

А. В. Буйских

ЮЖНЫЙ ТЕМЕНОС ОЛЬВИИ ПОНТИЙСКОЙ (Предварительные итоги изучения)

Статья посвящена предварительным итогам исследования нового сакрального участка в юго-восточной части Ольвии. Комплексный анализ археологических материалов позволил выделить два одновременных святилища Афродиты. В них открыты остатки культовых сооружений – храмы, алтарь-эсхара, ботросы позднеархаического и классического времени.

Ключевые слова: Ольвия Понтийская, Афродита, теменос, храм, алтарь, ботрос.

Ольвия Понтийская уже давно выделяется на фоне остальных античных городов Причерноморского региона наличием двух теменосов с остатками одновременных храмов и множеством разнообразных алтарей. Они расположены в центральной части Верхнего города и разделены Главной улицей. В этих теменосах находились не только храмы главных полисных богов и алтари, но и небольшие святилища многих других божеств. В связи с этим теменосы получили условное наименование – Восточный и Западный – по расположению их на местности¹. Восточный теменос (он имеет также название Центральный)² начал формироваться с третьей четверти VI в. до н.э. и был связан с почитанием Аполлона Дельфиния – верховного покровителя Ольвийского полиса³. На территории этого сакрального участка находились также святилища Зевса, а в более раннее время – Зевса и Афины. Исследованный позднее, но более ранний по времени второй (Западный) теменос был посвящен преимущественно Аполлону Иетросу и Матери богов, рядом со святилищами которых находились меньшие по размерам святилища Диоскуров, Гермеса и Афродиты, а также отдельно стоящее святилище Афродиты и ряда анонимных божеств⁴. По уточненным датировкам ранней керамики этот теменос возник не позднее рубежа VII–VI вв. до н.э., одновременно с основанием Ольвии⁵.

Буйских Алла Валерьевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии НАН Украины.

¹ Подробнее см. Русяева 1991, 123; 2005, 125–126.

² Карасев 1964, 27 сл.; Леви 1985, 65–88.

³ Карасев 1964, 32–34; Леви 1985, 65–76.

⁴ Русяева 1991, 123–138; 2006б, 16 сл.

⁵ Автор раскопок полагала, что этот теменос начал функционировать в первой четверти VI в. до н.э. (Русяева 2006б, 18). В настоящее время начало ритуальных действий и, со-

Оба теменоса сосуществовали на протяжении всего догетского периода истории Ольвии и были тесно связаны с религиозно-общественной и политической деятельностью полиса⁶. Они занимали около 1 га городской площади (из них не менее 0,4 га – Западный, 0,35 га – Восточный в его предположительно прослеженных границах). По предположению А.С. Русяевой, они представляли собой единую сакральную зону, выделенную при размежевке будущего города в соответствии с колонизационной практикой⁷. Их территории не были заняты жилыми домами ни в раннее, ни в более позднее время. Полуземлянки, открытые здесь, использовались во время строительства культовых сооружений и при обслуживании святилищ, как и мастерские для изготовления разных категорий votивных приношений, существовавшие в их оградах⁸.

В историографии Ольвии периодически ставился вопрос о еще одном культовом участке в южной части города, под римской цитаделью. Причем эти предположения высказывались задолго до открытия Западного теменоса⁹. Но интерпретация строительных остатков, выявленных здесь Б.В. Фармаковским в 1906 и 1924 гг. и атрибутированных им как принадлежащих храму Аполлона Простата II–III вв. и храму, находившемуся здесь в «греческое время», позднее вызвала сомнение¹⁰. Объект, которому была дана столь ответственная атрибуция, был раскрыт Б.В. Фармаковским лишь частично и зафиксирован в недостаточной степени, что не дало возможности осуществить даже приблизительную реконструкцию его плана. Тем не менее археологические находки, сделанные тогда же на этом участке, безусловно, связаны с культовым строительством и культовой практикой. Они относятся в основном к позднеархаическому времени. Это мраморная угловая волюта алтаря 520–510 гг. до н.э., привезенная, скорее всего, из Милета, фрагмент мраморной скульптуры курiosa, расписная архитектурная терракота, аналогичная найденной в массовом количестве в Западном теменосе¹¹. Однако с течением времени из-за отсутствия новых данных вопрос о святилищах в южной части Ольвии перестал ставиться.

В связи со сказанным чрезвычайно интересно, что тезис о еще одном сакральном участке неожиданно получил новое содержание в начале нового столетия раскопок на городище. Здесь Ольвийской археологической экспедицией Института археологии НАН Украины в течение последних 15 лет исследовались разновременные и разнородные объекты, на основании которых только в 2013 г. оказалось возможным составить представление о целом строительном комплексе. Это прежде всего яма, выявленная в 2000 г., материалы отсюда содержат посвященные граффити Афродите и ряд других находок, связанных с ее культом. Они позволили В.В. Крапивинной интерпретировать яму в качестве ботроса и высказать предпо-

ответственно, возникновение теменоса уточнено на основании анализа находок наиболее ранней привозной керамики (Буйских 2013а, 223–225; 2013б, 28–29).

⁶ Подробнее с литературой вопроса см. Rousyaeva 2010, 63–83.

⁷ Русяева 2006а, 8; Крыжицкий, Русяева 2006, 259.

⁸ Леви 1985, 81–85; Русяева 2006в, 84–94.

⁹ Скуднава 1959, 254–255.

¹⁰ Об интерпретации строительных остатков как принадлежащих храму см. Фармаковский 1909, 11–14; 1924–1925, 156–161; аргументы против: Крыжицкий 1985, 161–162.

¹¹ Скуднава 1959, 248 сл. Рис. 1–4, 8–9, 10, 15. Современные интерпретация и датировка волюты: Вуйских 2010, 25. Taf. 17; 126, 3–4; архитектурной терракоты: Крыжицкий, Русяева, Назарчук 2006, 100 сл.; культовой скульптуры: Русяева 1987, 154–155. Рис. 47, 2.

ложение, что в южной части Ольвии функционировало святилище этой богини¹². При изучении культа Афродиты, которую ольвиополиты наделили множеством эпиклез, А.С. Русяева отмечала, что ее святилище было устроено в возвышенной юго-восточной части города¹³. Однако археологически оно не было локализовано. Дальнейшие исследования, повлекшие за собой анализ итогов работ предыдущих лет, позволили определить точное местоположение святилища этой богини и установить основные периоды его функционирования.

Третий культовый участок Ольвии – Южный теменос – расположен в ее юго-восточной части, в самой высокой точке городища, откуда открывается обширная панорама территории, где русла Гипаниса и Борисфена сливаются друг с другом. Культовые сооружения здесь служили не только основными композиционными доминантами святилища, но и своеобразными маяками, указывавшими направление к ольвийской гавани. Такой выбор места для храмов и святилищ в прибрежных районах соответствовал строительной практике, общепринятой в античную эпоху. Но в отличие от теменосов в центральной части городища, место для культового участка на юге не было зафиксировано при первоначальной размежевке территории Ольвии. Вся верхняя терраса использовалась для массовой жилой и хозяйственной застройки, частично углубленной в материк. К настоящему времени таких объектов здесь открыто более тридцати. Это однокамерные сооружения площадью около 8,5–12 м², глубиной до 0,5–0,7 м, иногда до 0,2 м. Наиболее ранние из них появляются в первой половине VI в. до н.э., а засыпь всех объектов была осуществлена до рубежа VI–V вв. до н.э.¹⁴ Одновременное прекращение существования ранних углубленных сооружений наряду с мусорными ямами прослеживается на площади около 500 м². Здесь и возникло раннее святилище (рис. 1, I).

Для его строительства выбрали край террасы, плавно понижавшийся к югу и востоку. При устройстве ровной площадки под храм пришлось подрезать материковый склон на 0,3–0,6 м. Фундаменты были впущены в материковые траншеи, поскольку храм своей восточной частью, несмотря на предварительную нивелировку поверхности, перекрыл более ранние объекты. Сооружение, ориентированное главным фасадом строго на восток, представляло собой в плане вытянутый прямоугольник (сохранившиеся размеры 4,2 × 8,5 м; рис. 1, I). Сохранность строительных остатков позволяет предположить, что это был храм в антах, построенный в сырцово-каменной технике. Об этом свидетельствует почти полностью сохранившийся фундамент западной стены из сырцового кирпича без каменного цоколя. Северная стена прослежена по траншее поздней выборки в материке, а от южной стены фундамент из обработанных полигональных в плане известняковых плит сохранился лишь частично. Восточная стена полностью уничтожена мусорными ямами III в. н.э. В ее северной части прослежена выборка, зафиксировавшая направление, скорее всего, перпендикулярной стены, отделявшей наос от пронаоса¹⁵. Дневная поверхность внутри храма, за исключением небольшого фрагмента в западной части, не сохранилась вследствие активной строительной деятельности в первые века нашей эры. Уровень пола был вымощен плотно уложенными сырцовыми кирпичами и их обломками из однородной светлой глины. С севера к

¹² Крапивина 2002, 24–29; 2006, 188–198; 2007, 188 сл.; 2010, 43–44; 2012, 239 сл.; Крапивина 2010, 148–154.

¹³ Русяева 2001, 20–22; 2005, 296–300.

¹⁴ Буйских 2012, 48 сл.

¹⁵ Нельзя, впрочем, полностью исключать возможность интерпретации этого сооружения не как храма.

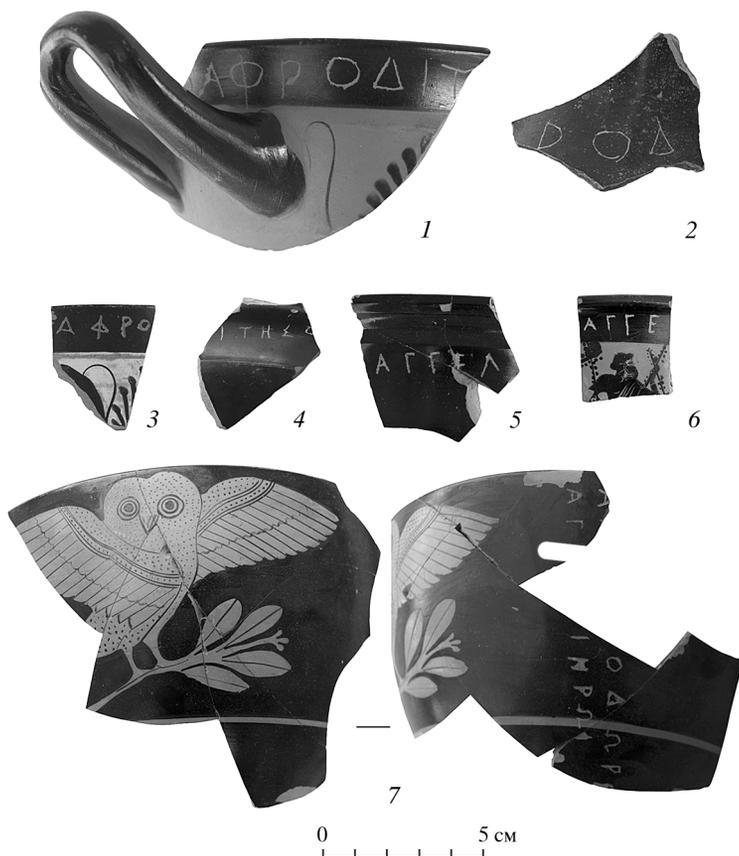

Рис. 2. 1–4 – керамические фрагменты с посвящениями Афродите;
5–7 – керамические фрагменты с посвящениями Ангелу Герою из ботроса № 413

Датировка материалов из засыпи ботроса, который частично перекрыл яму раннего времени и был выкопан буквально в 10 см к востоку от полуземлянки последней четверти VI в. до н.э., имеет определяющее значение для хронологической атрибуции святилища и всего культового участка. Его засыпь, судя по заполнению, осуществлялась одновременно, без позднейших досыпок. Многочисленные материалы датируются последней четвертью VI – первой четвертью V в. до н.э. Наиболее точные даты можно установить по фрагментам аттической расписной керамики, прежде всего содержащим посвянительные граффити. Среди наиболее ярких находок выделяются фрагменты краснофигурного скифоса с изображением совы на оливковой ветви ок. 500–490 гг. до н.э. (Owl-skyphos; рис. 2, 7). В настоящее время эти фрагменты из Ольвии – самые крупные среди всех известных сосудов этой группы¹⁸. Отличительной особенностью ранней группы «скифоса с совой» является стилистическая манера изображения совы – с крупными глазами, акцентированными двойными окружностями, точками лака на голове, верхней части крыльев и туловищу, детально прорисованными перьями полностью раскрытых крыльев, ее посадкой на короткой ветви. Кроме того, в заполнении ботроса обнаружены

¹⁸ Dinsmoor 1934, 420. Fig. 5, II 530; Johnson 1955, 123; Beazley 1963, 982 f.

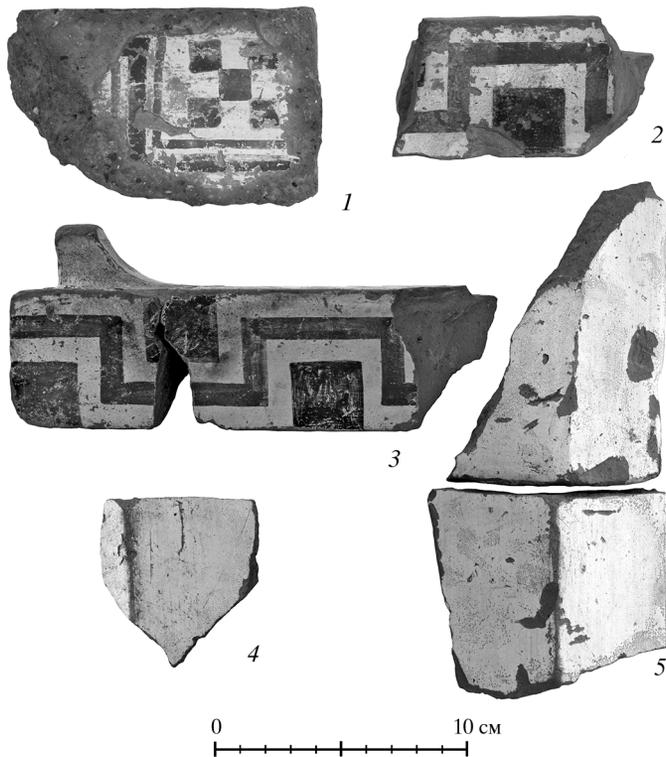

Рис. 3. 1–5 – фрагменты архитектурной терракоты из ботроса № 413

фрагменты чернофигурных киликов мастерской Хаймон и близких к ней 490–480 гг. до н.э.¹⁹ (рис. 2, 1, 3, 6), а также лекифа синхронной мастерской Бельдам, чернолаковых чаш (поздний тип С) и чаш-скифосов, фиал с горизонтальными каннелюрами, датирующимся в пределах 525–475 гг. до н.э.²⁰ В заполнении ботроса обнаружена также полихромная архитектурная терракота (рис. 3, 1–3), часть которой засвидетельствована в Ольвии впервые²¹, фрагменты плоских черепиц и перекрывавших их калиптеров с белым ангобом (рис. 3, 4–5). Это означает, что крыша храма, возле которого находился ботрос, была перекрыта привозной черепицей из Милета, как и крыша храма Аполлона Иетроса на Западном теменосе. Кроме того, в заполнении ботроса обнаружено значительное количество хронологически однородной керамической продукции – амфорной тары, привозных и местных столовых сосудов (помимо аттических, еще и восточногреческих, коринфских, серолощенных и красноглиняных), терракотовых статуэток (тип «сидящей богини»), а также сосудов из алебаstra и стекла, изделий из слоновой кости (облицовка клине), мрамора, металла. Как и в ботросах, открытых в других теменосах, это

¹⁹ Boardman 1974, 149; аналогии изобразительной манере: CVA Italia 70, 4. Tav. 16, 1–2.

²⁰ Boardman, 1974, 149; CVA Italia 69, 5. Tav. 65, 2–6; Sparkes, Talcott 1970. Cat. № 398–401, 434–437, 520, 578, 991.

²¹ Ср. находки архитектурной терракоты с меандром в Западном теменосе Ольвии: Крыжицкий, Русяева, Назарчук 2006, 108–109. Рис. 109–110; и в Истрии: Zimmermann 1990, 156. Abb. 6, 7.

преимущественно фрагменты, почти полностью отсутствуют целые формы. Материалы, обнаруженные на поверхности улицы в древнем гумусе синхронны керамике из заполнения ботроса, что подтверждает их одновременное функционирование. Общая раскрытая площадь теменоса составляет не менее 500 м².

Вторая большая яма диаметром 2,4 м и глубиной 1,4–1,7 м (№ 1807), которую можно интерпретировать как ботрос, открыта на склоне материковой террасы в 10 м к северо-востоку от храма (рис. 2, II). Материалы из ее заполнения свидетельствуют о том, что она была засыпана несколько позднее, чем ботрос № 413. Среди находок оттуда выделяются посвящения Афродите на серолощенных сосудах и значительное количество керамики, которая датируется 500–450 гг. до н.э. Среди датируемых аттических сосудов – фрагменты чернофигурных (группа Хаймон) и чернолаковых чаш (поздние типа С, одноручные), фиал, солонок²², большой и разнообразный набор серолощенных сосудов, а также 39 целых и фрагментированных светильников, большинство из которых серолощенные. Помимо двух ботросов, несколько посвящений, в том числе богине Афродите, обнаружены еще в тех местах, где культурный слой святилища уцелел между ямами первых веков нашей эры.

Необходимо отметить, что, несмотря на уверенную интерпретацию раскрытых объектов как культовых, для полной атрибуции всего участка в качестве теменоса не достает алтаря и ограды. Именно такой набор главных структурных элементов, как известно, типичен для теменосов, а второстепенные объекты – ботросы и другие сооружения, связанные с культом, подчеркивают его особенную роль в городской структуре²³. Однако небольшая площадь ровной материковой поверхности к востоку или югу от храма, где мог находиться алтарь, практически полностью уничтожена ямами первых веков нашей эры. Поэтому можно лишь утверждать, что этот участок был выделен на плане города, занимал окраинный квартал и был ограничен улицей с запада²⁴. О наличии именно квартальной застройки позволяет говорить тот факт, что здесь, к северу от культового участка, продольная улица пересекалась под прямым углом с поперечной. Предположительно вдоль продольной улицы проходила ограда, ограничивавшая территорию теменоса. Восточная его граница, скорее всего, отсутствовала, а ее роль играл природный склон. Расположение ботроса № 1807 за пределами поперечной улицы только усиливает предположение, что небольшая площадь культового участка заставляла максимально использовать близлежащие склоны для устройства подобных объектов. Для локализации же южной границы требуются дополнительные археологические исследования, хотя резкий поворот материковой террасы к юго-западу может говорить о ее отсутствии.

Длительность существования позднеархаического храма Афродиты можно установить только на основании косвенных данных. Небольшое количество керамических фрагментов, найденных на уровне пола в западной части сооружения, синхронно материалам из заполнения ботроса № 413. Большая часть его засыпи оказалась уничтоженной в первые века нашей эры. Однако удалось проследить, что в конце V в. до н.э. культовый участок был значительно расширен к северу и его площадь составила не менее 1000 м² без учета «старой» части (рис. 1, II).

²² Sparkes, Talcott 1970. Cat. № 413, 747, 890.

²³ Bergquist 1967, 71 ff.

²⁴ Здесь прослежена улица II–III вв. н.э. шириной до 4 м, но общая преемственность городской планировки и уличной сети в Ольвии позволяет предложить ее наличие и раннее время. Эта улица являлась окончанием Главной продольной улицы, ранее прослеженной в центральной части Верхнего города.

Вполне возможно, что увеличение площади и появление новых сооружений стали следствием прекращения существования раннего храма.

Для нового сакрального участка была заново выбрана площадка на краю материковой террасы к северу от поперечной улицы. Скорее всего, эта улица использовалась и во время существования более позднего святилища. Вдоль нее, выше уровня древнего гумуса в связи с поднятием дневной поверхности, открыт фундамент южной ограды теменоса (его сохранившаяся длина составляет 3 м), обращенный лицевым фасадом на юг, т.е. на поперечную улицу. Новый храм был построен на уровне снивелированного слоя древнего гумуса. Он частично перекрыл засыпанные и специально утрамбованные ранние углубления. Время расширения культового участка надежно определяется засыпью раскрытых здесь ранних объектов конца третьей четверти V в. до н.э. В слое разрушения храма также обнаружено посвящение Афродите.

Основной композиционной доминантой теменоса был новый храм размерами $3,5 \times 7,3$ м (рис. 1, 3). Несмотря на частично выбранную южную стену и нарушения от строительной деятельности первых веков нашей эры, его планировочная композиция – храм в антах – восстанавливается надежно (рис. 4). Этот храм, как и ранний, ориентирован строго по линии восток–запад. По своим планировочным и конструктивным особенностям он несколько отличается от тех, которые исследовались ранее на обоих теменосах Ольвии. Прежде всего, его наос перекрыл помещение раннего жилого дома. В результате каменные кладки четырех стен наоса оказались заглубленными на 1,6 м, тогда как кладки стен пронаоса были вкопаны в нивелировочную трамбовку над материком всего на 0,2 м. Скорее всего, стены храма были возведены полностью из камня. Кроме того, толщина фундамента всей восточной части сооружения была увеличена, включая внутреннюю стену, отделяющую наос от пронаоса. Такое конструктивное решение объясняется расположением сооружения в непосредственной близости от края террасы, плавно понижающейся к востоку, а также необходимостью усиления фундаментов. Кроме того, южная стена своей восточной частью перекрыла более раннее помещение и была возведена на его засыпи. Таким же образом была усилена часть западной стены над заполнением ранней ямы. Обращает на себя внимание и необычно глубокий пронаос храма, занимающий почти половину его внутреннего объема. Аналогии такому планировочному решению имеются в соседнем полисе – Истрии. Храм Афродиты, существовавший в сакральной зоне Истрии с конца позднеархаического времени, имеет идентичную внутреннюю планировку, несмотря на разницу в абсолютных размерах²⁵.

Рис. 4. Фундаменты храма Афродиты классического времени. Вид с запада

²⁵ Alexandrescu 2005, 71 f.

При строительстве храма был применен также новый для ольвийской строительной техники конструктивный прием. Дневная поверхность у северной стены храма в том месте, где она перекрывала засыпь раннего помещения, была подмощена искусственной субструкцией. Последняя состояла из нескольких слоев плотной сырцовой глины, которые перемежались с грунтом засыпи общей толщиной до 0,4 м. В настоящее время это наиболее ранний пример использования так называемых слоевых оснований в строительной практике ольвиополитов. Позднее, в раннеэллинистическое время, они стали типичными для массового монументального и жилого строительства, с той лишь разницей, что вместо специально приготовленного сырца использовался лесс. Верхний уровень сырцовой промазки, прослеженный к северу от храма, соответствовал такому же уровню сырцового пола внутри наоса и пронаоса. Сырцовая промазка была зафиксирована и к югу от храма – она являлась древней дневной поверхностью, поэтому в нее и был впущен фундамент южной стены. Очевидно, что при строительстве обоих храмов использовались близкие материалы для нивелировки дневной поверхности с той лишь разницей, что для первого храма это был сформованный сырцовый кирпич, а для второго – трамбованный сырец. В слое разрушения нового храма обнаружено посвящение Афродите.

Вопросы датировки и посвящения нового храма, как и в первом случае, могут быть решены только при рассмотрении других объектов, исследованных в непосредственной близости от него и связанных с ним в едином культовом комплексе. Прежде всего, к югу от храма на расстоянии 0,3 м выявлен фундамент прямоугольного в плане сооружения 1,5 × 2,6 м в виде Г-образной в плане кладки (рис. 1, 4). Этот объект ориентирован узкой стороной на восток и сооружен, как и храм, на аналогичной сырцовой поверхности, настеленной непосредственно на древний гумус. По конструкции фундамента, состоявшего из ряда ровных, хорошо обработанных плит с лицевыми фасадами, обращенными наружу, он близок планировочным остаткам алтарей в Западном теменосе²⁶. Это сооружение, расположенное в непосредственной близости от храма, можно интерпретировать в качестве фундамента каменного алтаря.

На расстоянии менее 1 м к северу от храма, на верхнем уровне окружающей его дневной поверхности выявлен алтарь-эсхара (рис. 1, 5). Он представляет собой вкопанный вертикально в землю и обложенный сверху по окружности бутом известняковый куб с округленными вертикальными ребрами (рис. 5). На его верхней плоскости вырезано чашевидное углубление, покрытое тонким слоем золы. К югу от алтаря, почти вплоты, также на уровне дневной поверхности храма выявлена П-образная в плане загородка (рис. 1, 6), открытая к востоку и сложенная из камней разного размера. С храмом, эсхарой и культовой загородкой хронологически соотносится небольшая яма (№ 1853), примыкавшая к алтарю с запада (рис. 1, 7; 5). Материалы из засыпи ее придонной части свидетельствуют о том, что она могла быть малым ботросом. Дно ее неровное, имеет несколько углублений, разделенных бортиками, и небольшие ниши, обмазанные сырцовой глиной²⁷. В заполнении найдены крупные фрагменты аттических чернолаковых сосудов – болсала, чаши и пиксиды (ок. 430–400 г. до н.э.), а также фрагменты краснофигурных киликов второй половины V в. до н.э.²⁸

²⁶ Русяева 2006, 53 сл.

²⁷ Такие конструктивные особенности устройства ботросов уже известны среди сооружений Западного теменоса: Русяева, Назарчук 2006, 69.

²⁸ Sparkes, Talcott 1970. Cat. № 548–550, 1309; для краснофигурного килика см., например, CVA Great Britain 9, 2. Pl. LIV, 3–4.

Рис. 5. Алтарь-эсхара и малый ботрос № 1853. Вид с запада

Несколько позднее, в первой половине IV в. до н.э., к северу-западу от алтаря было устроено прямоугольное углубление (рис. 1, 8) размерами $2,5 \times 3,2$ м и глубиной более 1 м (№ 1565), зольно-пепельное заполнение которого и содержащиеся в нем материалы также позволяют интерпретировать его в качестве ботроса. Такие ботросы встречаются значительно реже, чем круглые, однако одно похожее сооружение известно в Западном теменосе²⁹. Этот ботрос перекрыл более ранний малый ботрос. Многочисленные материалы из засыпи прямоугольного ботроса (в частности, фрагменты аттических краснофигурных, так называемых тюльпановидных, скифосов и чернолаковой посуды, а также крышка аска «кембриджского типа») датируются первой–третьей четвертью IV в. до н.э.³⁰ На культовый характер заполнения указывают находки двух фрагментированных женских протом и единственное граффито с посвящением Афродите. Помимо импортной посуды, для заполнения ботроса характерно множество крупных фрагментов и археологически целых кухонных сосудов – горшков и кастрюль, которые, как и в других ольвийских теменосах, использовались для устройства сакральных трапез. На этом фоне обращает на себя внимание отсутствие в засыпи ботроса керамических клейм. Как правило, городские строительные комплексы этого времени и культурные напластования насыщены фрагментами амфорной тары, в том числе клейменной, что также может указывать на неординарность заполнения объекта.

Еще два ботроса обнаружены к юго-востоку от храма. Первый, размерами $1,6 \times 1,8$ м и глубиной до 1,5 м (№ 1109), содержал материалы преимущественно

²⁹ Русяева, Назарчук 2006, 69.

³⁰ Sparkes, Talcott 1970. Cat. № 349, 352; CVA Russia 6, 6. Pl. 64, 4–7.

Рис. 6. 1–3 – сосуды с посвящениями Афродите из ботроса № 1109 (по Крапивинной, 2006)

второй – четвертой четверти V в. до н.э. (рис. 1, 9). Среди них аттические чернолаковые сосуды с посвященными граффити Афродите – чаши (*vicup*, *bolsal*) и фигурный сосуд, символизирующий гениталии (рис. 6, 1–3). Была обнаружена также расписная аттическая пинака позднеархаического и раннеклассического времени с рельефным изображением гетеры в короткой красной тунике с кроталами в руках, во время танца присевшей на край клине возле изголовья, на котором лежит красная подушка³¹. Аттические пинаки, как правило, культового содержания, типичны для позднеархаических святилищ в Греции и Ионии. Они, однако, чрезвычайно редко встречаются в святилищах Причерноморья, поэтому ольвийскую находку можно по праву считать уникальной³². Набор приношений из ботроса, связанный с симпозиями (фигурный сосуд, пинака с гетерой), вполне соответствует семантике культа Афродиты. Второй, частично открытый, ботрос (№ 1858) размерами 3,5 × 2,6 м и глубиной 1,5 м с неровными ступеньками, спускающимися ко дну по западному борту, дает менее выразительные материалы конца V – начала IV в. до н.э. (рис. 1, 10). Представляет интерес формирование его засыпи: в центре плоского дна был устроен небольшой выступ из плотной глины, на который насыпали зольный холм, содержащий основную массу мелких находок. Такие особенности конструкции ботроса и засыпи позволяют интерпретировать его в качестве примитивного алтаря. Как и в прямоугольном ботросе, в засыпи его верхней части найдено значительное количество крупных фрагментов кухонных сосудов.

³¹ Sparkes, Talcott 1970. Cat. № 434–437, 541, 581–593; авторская публикация и интерпретация керамических находок и пинаки: Крапивина 2006, 188 сл.; ср. интерпретацию фигурного сосуда как подразумевающего гениталии: Журавлев 2012, 80–81.

³² Об аттических пинаках см. подробнее: Влаσσοπούλου 2003. Небольшой фрагмент пинаки происходит из святилища Афродиты близ Милета: Graeve 2005, 47. Abb. 12. В Причерноморском регионе, помимо Ольвии, фрагмент монохромной пинаки с изображением гоплита найден в теменосе Аполлонии Понтийской: Панайотова 2012. Рис. на с. 11.

Сравнение материалов показало, что засыпи ботросов № 1109 и 1858 производились относительно синхронно – в последней четверти V в. до н.э. Это значит, что второй храм в антах был построен не ранее этого времени. Кроме того, *terminus post quem* для храма – одновременная засыпь помещений, одно из которых перекрыто его южной стеной, а второе – ботросом № 1858, что произошло в конце третьей четверти этого столетия. Посвящения Афродите из ботроса № 1109 и прямоугольного ботроса № 1565 свидетельствуют, что новый храм в антах принадлежал этой богине. Данное обстоятельство косвенно указывает, что ранний храм к этому времени уже перестал существовать. Второй храм Афродиты, как можно судить по датировке материалов из ботроса № 1565, просуществовал до конца классической эпохи. В раннеэллинистическое время культовый участок в юго-восточной части Ольвии был опять перестроен и вновь расширен к северу, однако рассмотрение этого этапа и открытых строительных остатков выходит за рамки данной работы.

При изучении двух новых храмов Афродиты следует, прежде всего, отметить их близкие друг другу очень небольшие размеры. Даже на фоне уже исследованных храмов в других теменосах Ольвии становится очевидно, что они меньше их в два раза. Их, пожалуй, можно сравнить с храмом в антах на теменосе Борисфена, который был сооружен вскоре после середины VI в. до н.э. Этот храм размерами 4,25 × 5,72 м на основании находок внутри сооружения, по мнению автора раскопок, был посвящен Афродите³³. Однако борисфенский храм, как представляется, не оказал решающего влияния на размеры храмов в южной части Ольвии. Скорее всего, очень скромные габариты обоих ольвийских культовых сооружений продиктованы топографическими условиями местности, где был устроен теменос. Пологий край террасы, где последовательно строились храмы, не давал возможности поместить здесь сооружения больших размеров, расположив их соответственно восточной ориентировке. Тем более что к западу от культового участка проходила улица, проложенная в позднеархаическое время. Пока неизвестно, существовала ли ограда культового участка с северной стороны – этот вопрос можно будет решить только при дальнейших археологических исследованиях. Нельзя исключать также, что размеры святилища классического времени могут оказаться большими. Примерно в 30 м к северу от храма было выявлено однокамерное сооружение, от которого сохранился подвал, очевидно, мастерская по производству свинцовых изделий. Среди находок – каменная литейная форма для отливки гермы с изображением божественной пары Гермеса и Афродиты³⁴. Мастерская для изготовления вотивов, как и в других ольвийских теменосах, вполне могла находиться в его пределах.

Новый теменос Ольвии можно условно назвать Южным, поскольку в историографии уже приняты определения для двух ранее открытых священных участков – Восточный и Западный. Его обнаружение ставит целый ряд новых вопросов, связанных с дальнейшим исследованием существовавших там объектов, а также углубленным изучением культа Афродиты и его роли в религиозной жизни полиса. Эти вопросы, прежде всего, касаются интерпретации новых культовых сооружений. К категории проблемных относится и вопрос о реконструкции храмов и их внешнего декора. Отсутствие каменных архитектурных деталей, найденных *in situ* или в слоях разрушения этих сооружений, делает невозможной попытку реконструировать фасад с применением ордера. На основании общих представлений об

³³ Назаров 2001, 159; вариант реконструкции см. Крыжицкий 2001, 165 сл.

³⁴ Крапивина 2006, 196. Табл. IV, 6; 2007, 188 сл.

ионийской строительной традиции позднеархаического времени и весьма вероятном использовании привозной милетской черепицы для перекрытия раннего храма можно в предположительной форме говорить об употреблении для декора главных фасадов деталей ионического ордера. О том, что они использовались, можно судить по регулярным находкам в этой части городища многочисленных фрагментов архитектурных деталей ионического ордера позднеархаического времени³⁵.

Нельзя обойти вниманием и тождество планировочных решений ольвийского храма Афродиты конца V в. до н.э. и храма Афродиты в Истрии. Необычный план пронаоса, полностью скопированный при сооружении ольвийского храма, следует воспринимать как реплику уже известного сооружения. Кроме того, храмы в обоих полисах посвящены одному и тому же божеству, что еще более усиливает данное предположение. В Ольвии, как и в Истрии, храм Афродиты существовал в течение двух длительных хронологических периодов. И в Ольвии, и в Истрии известны капители ионического ордера, вырезанные рукой одного мастера (или в одной стилистической манере) в середине V в. до н.э.³⁶ Вряд ли все это может быть случайным совпадением. Это значит, что строительство монументальных сооружений в Истрии и Ольвии осуществлял один архитектор или могла работать одна бригада ремесленников-строителей, переезжавшая из полиса в полис. Кроме того, культ Афродиты в основных полисных центрах Северо-Западного Причерноморья играл не меньшую по своей значимости роль, чем другие женские божества. Полноценное изучение ее культа в Ольвии невозможно не только без учета свидетельств почитания богини в Северо-Западном Причерноморье, но и в Милете, где святилище располагалось к юго-западу от города на высоком холме (Зейтын-тепе) над морем. Культовые сооружения второй половины VI в. до н.э. представлены там храмом ионического ордера с алтарем, ботросом, цистерной и огромным количеством разнообразных votивных приношений, среди которых – культовая скульптура, терракоты, амфорная тара, простая кухонная и столовая посуда, в том числе с посвященными граффити и дипинти³⁷. Это святилище существовало на одном и том же месте длительное время вплоть до первых веков нашей эры³⁸, что доказывает высокую популярность культа Афродиты среди населения Милета. Скорее всего, именно отсюда еще на этапе колонизационного освоения Северо-Западного Причерноморья был перенесен в Ольвию культ Афродиты.

Исследования третьего культового участка Ольвии дают новую информацию для продолжения давней дискуссии об организации ее городской планировки. Еще по результатам работ 1924 г. было высказано предположение, что город имел регулярную планировку уже в конце VI в. до н.э.³⁹ В дальнейшем эта точка зрения была подвергнута критике, так как для эллинистического города, который в значительной мере унаследовал раннюю инфраструктуру, археологически удалось подтвердить планировочную сеть лишь с отдельными элементами регулярности⁴⁰. Однако в последнее время появились новые данные, свидетельствующие об освое-

³⁵ Подробный анализ комплекса архитектурных деталей ионического ордера, найденных на этом участке см. Bujskich 2010, 25 ff.

³⁶ Bujskich 2010, 29–30.

³⁷ Heinz, Senff 1995, 220 ff.; 1997, 114 ff.; Graeve 2005, 41 ff.; 2008, 9 ff.; Birzescu 2009, 124 f., Kat.7, 10; см. также Greaves 2004, 27 ff.

³⁸ Ehrhardt, Günther, Weis 2009, 187 ff.

³⁹ Фармаковский 1929, 40.

⁴⁰ Крыжицкий 1971, 98–99.

нии городской территории Ольвии на раннем этапе ее существования и прежде всего о том, что освоение внутригородского пространства в Ольвии и Борисфене началось синхронно⁴¹. При этом нет сомнения в том, что регулярная планировка Борисфена, появившаяся во второй половине VI в. до н.э.⁴², вписывается в русло общепринятой греческой колонизационной практики, известной, в частности, по памятникам Великой Греции. В отношении Ольвии пока есть только констатация факта, что урбанистическое развитие города в позднеархаическое и раннеклассическое время остается неизвестным по причине значительных перестроек в раннеэллинистическое время. Строительные остатки этого периода представлены лишь отрезком Главной продольной улицы и пересекающими ее под прямыми углами несколькими поперечными улицами в центре города, а также отдельными, не связанными в кварталы помещениями, открытыми под более поздними домами или включенными в их структуру.

Тем не менее уже очевидно, что основная планировочная ось – Главная продольная улица – находит продолжение на юге, несмотря на то что открытый здесь ее отрезок относится к более позднему времени. В этом месте сакральный участок Афродиты, насколько можно судить по данным археологических исследований, также существует в двух смежных городских кварталах, разделенных поперечной улицей, которая примыкала под прямым углом к продольной. При этом ширина поперечной улицы у святилища Афродиты в 3,5 м повторяет ширину поперечной улицы в регулярной планировочной сети Борисфена⁴³. И это не случайное совпадение. Наоборот, оно подтверждает, что речь может идти об одном строительном периоде и синхронности развития планировочной сети обоих урбанистических центров. Поэтому наблюдения, основанные на хронологии строительной деятельности в южной части Ольвии, позволяют на новом уровне ставить вопрос о характере и времени появления ее ранней планировочной сети. Кроме того, оба теменоса в центральной части города были также ограничены улицами, причем одной из границ для каждого из них служила именно данная улица. В этой связи необходимо поддержать предположение, что Главная улица использовалась для проведения календарно-религиозных празднеств полиса и была священной⁴⁴.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что основная планировочная ось в южной части Ольвии сложилась не позднее появления раннего святилища Афродиты в конце VI в. до н.э. Следует отметить, что наличие еще одного перекрестка продольной и поперечной улиц, конечно, не является решающим аргументом в пользу наличия в Ольвии регулярной планировки, синхронной той, что открыта в Борисфене. Однако также очевидно, что и ее отсутствие уже нельзя считать окончательно доказанным. Исследования Южного теменоса – культового участка с храмами Афродиты и другими святилищами в юго-восточной части Ольвии – продолжают-ся, и вместе с ними ждут решения многие вопросы, затронутые в данной статье.

⁴¹ Буйских 2013б, 29.

⁴² Solovyov 1999, 77–79. Fig. 58.

⁴³ Solovyov 1999, 78–79.

⁴⁴ Русяева 1991, 123; Крыжицкий, Русяева 2006, 248–249. При этом следует обратить внимание на тот факт, что теменосы в центральной части города со стороны Продольной улицы имели сакральные каменные ограды с пропилями. Такие специально обустроенные входы пока не выявлены при исследовании южного культового участка Афродиты позднеархаического и классического времени.

Литература

1. Буйских А.В. 2012: О застройке юго-восточной части Ольвии в VI–V вв. до н.э. // БЧ. XII. Проблемы урбанизации. Керчь, 48–52.
2. Буйских А.В. 2013а: Архаическая расписная керамика из Ольвии (восточногреческая, лаконская, коринфская, имитации). Киев.
3. Буйских А.В. 2013б: О греческой колонизации Северо-Западного Причерноморья (Новая модель?) // ВДИ. 1, 21–39.
4. Журавлев Д.В. 2012: Фрагмент шуточного кубка с Таманского полуострова // ПИФК. 1 (35), 74–84.
5. Карасев А.Н. 1964: Монументальные памятники ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора / В.Ф. Гайдукевич (ред.). М.–Л., 27–130.
6. Крапивина В.В. 2002: Ботрос святилища Афродиты в Ольвии // БФ. Погребальные памятники и святилища / В.Ю. Зуев (ред.). Ч. 2. СПб.
7. Крапивина В.В. 2006: Новые данные о культе Афродиты в Ольвии // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Памяти Н.П. Сорокиной / Д.В. Журавлев (ред.). Труды ГИМ. 159. М., 188–198.
8. Крапивина В.В. 2007: Металлообрабатывающая мастерская в Ольвии и ее связь со святилищем Афродиты // БЧ. VIII, 188–194.
9. Крапивина В.В. 2010: О святилищах Афродиты в Ольвии // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы VII Международной научной конференции. Харьков, 43–44.
10. Крапивина В.В. 2012: Три мраморные статуэтки Афродиты из Ольвии // ДБ. 16, 239–246.
11. Крыжицкий С.Д. 1971: Жилые ансамбли древней Ольвии IV–II вв. до н.э. Киев.
12. Крыжицкий С.Д. 1985: Ольвия. Историографическое исследование архитектурно-строительных комплексов. Киев.
13. Крыжицкий С.Д. 2001: Храм Афродиты на Березани. Реконструкция // ВДИ. 1, 165–175.
14. Крыжицкий С.Д., Русяева А.С., Назарчук В.И. 2006: Архитектурная терракота VI–V вв. // Древнейший теменос Ольвии Понтийской. Симферополь (МАИЭТ. Suppl. 2), 100–114.
15. Крыжицкий С.Д., Русяева А.С. 2006: Теменосы Ольвии (сравнительная характеристика) // Древнейший теменос Ольвии Понтийской. Симферополь (МАИЭТ. Suppl. 2), 247–260.
16. Леви Е.И. 1985: Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л.
17. Назаров В.В. 2001: Святилище Афродиты в Борисфене // ВДИ. 1, 154–165.
18. Панайотова К. 2012: Сакрални територии в Аполония-Созопол // Будител. 1 (23), 6–22.
19. Русяева А.С. 1987: Скульптура // Культура населения Ольвии и ее окружи в архаическое время / С.Д. Крыжицкий (ред.). Киев, 154–160.
20. Русяева А.С. 1991: Исследования Западного теменоса Ольвии (предварительные результаты) // ВДИ. 4, 123–138.
21. Русяева А.С. 2001: Афродита Урания – патронесса милетско-понтийской колонизации // БФ: колонизация региона, формирование полисов, образование государства / В.Ю. Зуев (ред.). 1. СПб., 17–21.
22. Русяева А.С. 2005: Религия понтийских эллинов в античную эпоху. Киев.
23. Русяева А.С. 2006а: Введение // Древнейший теменос Ольвии Понтийской. Симферополь (МАИЭТ. Suppl. 2), 7–15.
24. Русяева А.С. 2006б: Святилища и их структура // Древнейший теменос Ольвии Понтийской. Симферополь (МАИЭТ. Suppl. 2), 16–31.
25. Русяева А.С. 2006в: Строительные остатки второстепенных сооружений // Древнейший теменос Ольвии Понтийской. Симферополь (МАИЭТ. Suppl. 2), 75–94.
26. Русяева А.С. 2006г: Строительные остатки алтарей // Древнейший теменос Ольвии Понтийской. Симферополь (МАИЭТ. Suppl. 2), 53–67.
27. Русяева А.С., Назарчук В.И. 2006: Ботросы // Древнейший теменос Ольвии Понтийской. Симферополь (МАИЭТ. Suppl. 2), 67–74.
28. Скуднова В.М. 1959: Из неизданных материалов Ольвии VI–V вв. до н.э. // СА. XXXIX–XXX, 248–262.
29. Фармаковский Б.В. 1909: Раскопки в Ольвии // ОАК за 1906 год. СПб., 1–50.
30. Фармаковский Б.В. 1924–1925: Отчет о раскопках в Ольвии в 1924 году // ИГАИМК. 1, 143–163.
31. Фармаковский Б.В. 1929: Розкопування Ольвії р. 1926. Одеса.
32. Alexandrescu P. 2005: Histoire et stratigraphie // Alexandrescu P. (ed.). La zone sacrée d'époque grecque (fouilles 1915–1989) / Histria VII. București, 51–158.
33. Beazley J.D. 1963: Attic Red-Figure Vase-Painters. Second ed. Vol. II. Oxf.
34. Bergquist B. 1967: The Archaic Greek Temenos. A Study of Structure and Function. Lund.

35. *Bîrzescu Iu.* 2009: Drei Typen archaischer Reifenamphoren aus Milet // AA. 1, 121–134.
36. *Βλασσπούλου Χ.* 2003: Αττικοί ανάγλυφοι πίνακες της αρχαϊκής εποχής. Αθήνα.
37. *Boardman J.* 1974: Athenian Black Figure Vases. L.
38. *Bujskikh A.* 2010: Die antike Architekturformen im nördlichen Schwarzmeergebiet. Herkunft und Entwicklung. Wiesbaden.
39. *Dinsmoor W.B.* 1934: The Date of the Older Parthenon // AJA. XXXVIII, 408–448.
40. *Ehrhardt N., Günther W., Weis P.* 2009: Aphrodite–Weihungen mit Ohren-Reliefs aus Oikus // AA, 187–203.
41. *Graeve V. von* 2005: Fragmente von Bauskulptur aus dem archaischen Aphrodite-Heiligtum // AA. 2, 41–48.
42. *Graeve V. von* 2008: Milet 2003–2005. Grabungen in Aphroditeheiligtum // AA. 2, 9–12.
43. *Graeves A.M.* 2004: The Cult of Aphrodite in Miletos and its Colonies // Anatolian Studies. 54, 27–33.
44. *Heinz M., Senff R.* 1995: Die Grabungen auf dem Zeytintepe // AA. 2, 220–224.
45. *Johnson F.P.* 1955: A Note on Owl Skyphoi // AJA. 59, 119–124.
46. *Krapivina V.V.* 2010: New Data on the Significance of the Cult of Aphrodite in Olbia Pontica // Ancient Sacral Monuments in the Black Sea / E.K. Petropoulos, A.A. Maslennikov (eds.). Thessaloniki, 148–151, 165–170.
47. *Rousyaeva A.S.* 2010: Sanctuaries in the Context of the Cultural and Historical Development of Olbia Pontica // Ancient Sacral Monuments in the Black Sea / E.K. Petropoulos, A.A. Maslennikov (eds.). Thessaloniki, 63–92.
48. *Senff R., Heinz M.* 1997: Arbeiten am Zeytintepe im Jahre 1994 // AA. 2, 114–120.
49. *Solovyov S.L.* 1999: Ancient Berezan: the Architecture, History and Culture of the First Greek Colony in the Northern Black Sea / J. Boardman, G.R. Tsatskheladze (eds). Colloquia Pontica 4. London–Boston–Köln.
50. *Sparkes B.A., Talcott L.* 1970: Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B.C. / The Athenian Agora. Vol. XII. Princeton.
51. *Zimmermann K.* 1990: Zu den Dachterrakotten griechischer Zeit aus Histria // Histria: eine Griechenstadt an der rumänischen Schwarzmeerküste (Xenia, Ht. 15) / P. Alexandrescu, W. Schuller (Hrsg.). Konstanz, 155–165.

THE SOUTHERN TEMENOS OF OLBIA PONTICA (Preliminary Results)

Alla V. Buyskikh

The article presents preliminary results of the study of the third sacral zone of Olbia Pontica. Archaeological research has revealed several periods of its construction and existence, the earliest one belonging to the first quarter of the 5th century BC and including a temple in antis and several bothroi. The temple was built of stone and adobe, covered with imported tiles from Miletus and decorated with painted terracotta elements. The majority of several dozens of graffiti found in the bothroi and in the cultural layer are dedicated to Aphrodite. The temenos was enclosed within streets in the north and in the west. The second period temenos was situated to the north of the first. It appeared in the last quarter of the 5th century BC and existed till the end of the classical time. It includes such cult objects as a temple in antis, altars and bothroi of various types. As it is shown by most of the dedicatory graffiti found there, the central cult of this temenos was also that of Aphrodite. The temples of both these periods are rather small, as they were built on the edge of a terrace. The temple of the classical period is very similar in layout to the contemporary temple of Aphrodite in Histria.

Keywords: Olbia Pontica, Aphrodite, temenos, temple, altar, bothros.

Institute of Archaeology,
National Academy of Sciences of Ukraine,
Kiev, Ukraine

allabuy@ukr.net